Жванецкий Михаил 22.08.01

Культура. – 2001. – 16–22 авг. – с. 12

Зазеркалье

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

Говорят, сколько людей – столько мнений.
Утверждают, человек – это зеркало эпохи: чем значительнее и масштабнее личность, тем своеобразнее в ней преломляется время. Принято считать, что нам некогда вглядываться в эти зеркала. В жизни полно проблем, журналистика занимается их освещением, документальные жанры то ли еще не родились, то ли приказали долго жить, "героя нашего времени" трудно собрать даже из осколков. Хотя когда-нибудь и о конце XX века скажут: "У них была великая эпоха…" Эпоха – значит люди.
Зоя Богуславская, известный прозаик, эссеист, автор проекта независимой премии "Триумф" и др., занимается уникальным по нашим временам делом – она создает портреты своих современников, тех, которые, в сущности, и есть наша эпоха.
Нет, это не биографические очерки, не статьи "о вкладе", не беседы "о жизни". Это именно портреты, встречи, беседы – то, каким один художник увидел другого, то, о чем Матисс когда-то сказал: "Это вы плюс то, что я о вас думаю".
Мы открываем авторскую рубрику Зои Богуславской, названную по наименованию двухтомника "Зазеркалье", портретом Михаила Жванецкого.
Наших читателей ждут встречи с Олегом Меньшиковым, Василием Аксеновым, Аллой Демидовой, Евгением Гришковцом, Олегом Табаковым и другими.
Более подробно эссе З.Богуславской можно посмотреть в рубрике "Зазеркалье. Встречи" на сайте ***www.ozon.ru/zerkalo/***

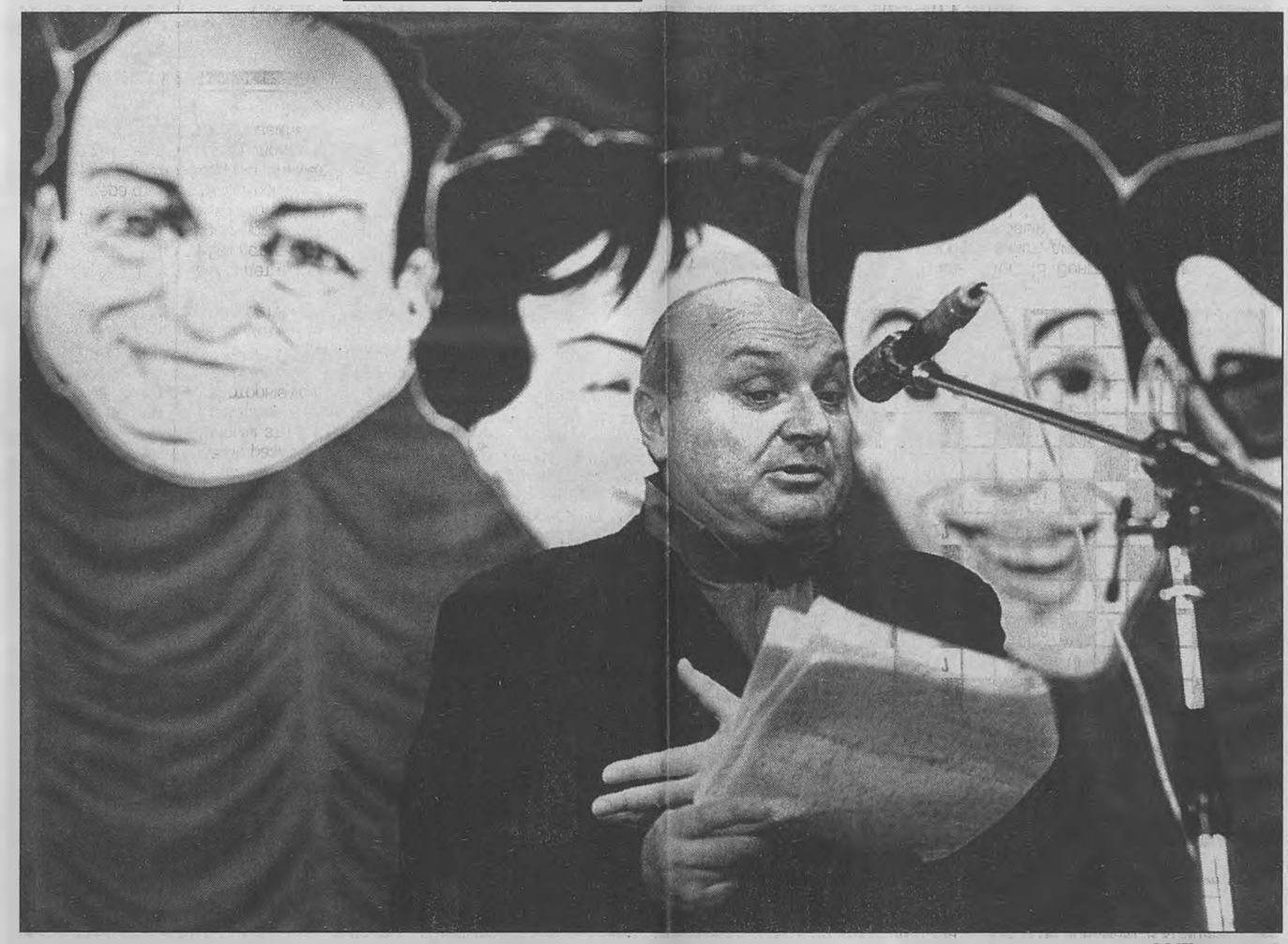

Фото А.ГАЛЕЕВА

М.Жванецкий

З.Богуславская

Михаил Жванецкий

Михаил Жванецкий много сказал о себе сам. Четырехтомное собрание, ТВ-цикл "Весь Жванецкий" (на еще не рухнувшем НТВ), юбилейное 60-летие.

Конечно же, бороться с насыщенностью тобой информационного пространства, уже раскрытыми тайнами жизни и творчества трудновато. Но можно. А вот с наступившей гласностью? Разрушающей твой стиль, когда **каждый может**… Каждый может сказать **все обо всем**. Когда ежечасно "фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери" и самые лакомые куски сегодняшнего абсурда растаскивают грубияны, пошляки и дилетанты. Как пережить, перебороть, победить этот поток зубоскальства, компромата, скандалов, притупляющих слух к "настоящему"? Но надо. Небольшая заминка, легкая невразумительная пауза годика в полтора, и все! Он прорвался, как трава сквозь асфальт.

Попытки объяснить Жванецкого абсолютно безуспешны. К примеру:

"Одно неверное движение – и ты отец",

"Не берем… Борщ со сметанкой, селедочки с лучком и сто грамм … не берем",

"Раки по пять рублей, но сегодня, по три рубля, но вчера",.

А облетевшее всю страну "Миш, а Миш? Это ты?" – вопрос сонной жены, реагирующей на разбудившего ее посреди ночи мужа. Всего не перецитируешь.

Популярность Жванецкого приближается к 100 процентам. Он "свой" – куда бы ни приезжал. Залы набиты до отказа. Даже иностранцами. Непереводимость его текстов не препятствие. Они все равно ходят, до конца не вникая. Лично наблюдала, как отбивали ладони в Париже (в основном французы второго новорусского поколения), зал не вместил толпу, хлынувшую из фойе. А сомнения были. Были. Погорячившись, арендовали "Сен-Жермен" – 800 человек (фестиваль "Российские "Триумфы" в Париже", 1998 год). Что им Жванецкий? Вдруг не поймут, недооценят?

– Ну как? – окатил меня ледяным взглядом Михал Михалыч после выступления. Очередь за автографами не иссякала. – Потянули бы и на большее?

А кругом жужжали: "Когда еще приедете?"

– Как спасаетесь от всеобщего внимания? – спрашиваю.

– Не спасаюсь, а радуюсь. Всеобщего внимания нет. Та доза, что есть, меня радует. Наверное, мои поклонники – интеллигентные люди: не докучают.

Заниженная самооценка – это типично для Михал Михалыча. И все же так хочется поговорить о процессе…

– Как я пишу? Если б я знал и мог объяснить, я бы преподавал в техникуме. Сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог… Я думаю, что, **перестань** писать, – много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь подвыпьет и вдруг спросит: "И где это вы темы берете?" Как будто он ходит в другую поликлинику.

Кстати, к вопросу об "интеллигентности" поклонников. Авторский вечер в городе Тольятти (фестиваль "Триумфа" "Рождественская карусель", 1995 год). Билеты раскуплены задолго до приезда, город вибрирует заряженными магнитофонами, реплики из его текстов звучат в очередях. Власти, естественно, напряглись, но препятствий нашим партнерам ("АвтоВАЗу" и Дворцу культуры) не чинят. Заряд опасности передается Жванецкому. На этом выступлении он особенно в ударе, зал сотрясает шквал оваций.

Утром в кафе гостиницы завтракаем вдвоем. Вокруг с молниеносной быстротой поглощают пищу трудяги и деляги – спешат на рабочие объекты.

Жванецкий, молчаливый, тихий, не поднимая головы ковыряет яичницу. "Успеет съесть?" – думаю, увидев мощную фигуру, вальяжно приближающуюся к нам. Мускулы натягивают свитер, помятую кожанку.

– Спасибо, Михал Михалыч, за вчерашнее, – лыбится подошедший, – а я к вам с предложением.

Жванецкий поднимает голову, разглядывает поклонника боксерской комплекции.

– Выступите у нас, приезжайте! Мы бы вас так встретили! – парень называет город, широким жестом иллюстрируя, как именно встретят.

– Спасибо, – протягивает руку М.Ж., пытаясь выбраться из-за стола. – Может, и нагряну.

– Вы уж меня не отфутболивайте, – смущается парень. Бросок руки во внутренний карман, и со щелчком припечатываемая к столу пачка зеленых. – Здесь двадцать пять кусков, приезжайте, не пожалеете. Разумеется, это – аванс.

Сдерживая смех, наблюдаю за М.Ж.

– Нет, нет. Этого не надо, – отодвигает от себя купюры Жванецкий. Он пристально, спокойно разглядывает "клиента". – Приеду, тогда и поговорим.

Мы возобновляем завтрак. Через минуту официант подкатывает сервированный столик. Он уставлен напитками наивысочайшего достоинства.

– Вам презент от товарища бизнесмена, – официант кивает на дальний стол. – Он просил передать, ежели что не так, раздадите артистам.

Интеллигентно? А? Как вам это покажется? Ничего не скажешь.

Полагаю, на Жванецкого бабки сыпались бы дождем, **престути он черту**. Всего один ход навстречу ("одно неосторожное движение"), и ты – в холуях.

– Больше всего ненавижу ложь, – говорит М.Ж., когда спрашиваю, чего не принимает в людях.

Я ему верю. Вранья у Жванецкого не найдешь. Он бесстрашно вторгается в шоковые зоны. Без всякой страховочной сетки.

Но на вопрос: "Легко ли быть мужем молодой красивой женщины?" – говорить уклоняется. Развившийся иммунитет против иных СМИ, привыкших живописать художника через замочную скважину. Михал Михалыч не из той породы, что смакует адюльтеры, обстановку спальни, способы омоложения, скандалы, рукоприкладство.

Этот шумный, шокирующе откровенный в текстах писатель Жванецкий, похоже, застенчив. И не только это. Полагаю, он панически боится сцены и суеверен до болезненности.

– Всегда в привычном пиджаке и свитере, – подтверждает он мое предположение.

Зрители не видят его без потертого, засаленного портфеля, с тетрадками, разнимающимися на страницы, одноцветно серого пиджака и свитера. Прикид, уверяет он меня, "неотъемлем как отсутствие галстука, объясняемое отсутствием шеи. У Райкина подсмотрел вычищенные ботинки, глаженую сорочку".

– А если нужен смокинг? – спрашиваю. – К примеру, парадная церемония или в Кремль позвали?

– Есть смокинг. Есть. Но не люблю. **Оно** мне не идет. Все равно читаю, как привык.

Объяснить природу обаяния невозможно. Оно как отпечатки пальцев или роговицы глаза. Не стремясь скрыть несовершенство фигуры, лысину, отсутствие интереса к моде (как говорилось, прикид самый мизерный) – на сцене он король ("но когда он играет концерт Сарасате, он – божественный принц, он – влюбленный Пьеро"). В Жванецком нет ничего отвлекающего от таланта. Никаких украшений, манков, вокруг не суетятся стилисты и имиджмейкеры. Похоже, это принцип. Чистый талант, голая правда, истинная порода. Имеющие власть над толпой всегда одиноки. В том или ином смысле. У Жванецкого нет свиты, ждущих у подъезда фанов, думаю, нет набора персонажей, которые по первому его звонку дадут ему дачу или джип. Хотя желающих "примкнуть" много.

– Существуют ли законы смешного? Универсальные, групповые, – стучусь я в заведомо не отворяемую дверь. – Одинаковы ли они для говорящего и пишущего? Для читателя?

– Если законы смешного существуют, то я их не знаю, – признается Жванецкий. – Я пишу **все** подряд – остается **смешное**. Его отбирает публика. Какие-то примитивные правила, наверное, есть. Можно повторить уже найденный свой прием. Можно повторить чужой прием. Можно в очередной раз рассказать о стариковских болезнях. Вы все это слышите в передаче "Аншлаг". При тоталитарном режиме смех вызывает все, а достижения-то были только спортивные, ничего другого. – И добавляет: – Я до сих пор не уверен, но кажется, если написано смешно, то, читаешь ли вслух, либо про себя, смеяться будешь.

– Алла Демидова вспоминает, что Эренбург никогда не умел смеяться по-настоящему и как-то сказал ей совершенно искренне (после очень смешного эпизода, который он просидел, не разжимая губ): "Вы видели, как я смеялся?" Надо ли, чтоб люди громко и заразительно смеялись? – спрашиваю.

– Да. Я полагаю это критерием. Тогда очевидно, что люди получают удовольствие. Могут слушать с уважением, с замиранием, с восторгом. Но покупают билеты, если слышат хохот. Они стремятся туда. Вот этот шелест в зале "что он сказал?" – главный. В тяжелые времена смех вызвать проще, чем в легкие. Ну а легких не бывает. Все-таки смех – это смех, когда он звучит. Тихо хохотал один Эренбург, и его не стало.

В книге Жванецкий напишет: "Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце. Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, ухожу в себя и сижу там. Чужой юмор не понимаю: в компании лучше не приглашать".

В собрании сочинений от тома к тому, увы, Михал Михалыч грустнеет: "В молодости была какая-то веселость, – констатирует он. – Привычка к смеху вокруг себя. Мы смеемся вместе. Вы смешите меня, потом этим же я смешу вас".

Он прошел через многие **времена** – непризнания, сверхбдительности цензуры, анонимности, когда порой читал одному слушателю, безденежья первых лет в Театре миниатюр… Но нынче, когда он живет "вопреки времени" и полагает, что оно счастливое (не трогают, не рубят текст, пускают на сцену, в эфир), он делает неожиданное признание: "Мне помог комсомол, космонавты, все, кому я читал, кого веселил, кто открыто меня не поддерживал, но в душе присоединялся…"

Михал Михалыч любит снегопад, метель, к морю шел всю жизнь – "дошел наконец". Любит смотреть футбол, хоккей. Поясняет: "Только когда уже чемпионат, то есть когда не спорт, а уже трагедия. А от чемпионата мира балдею". Его предпочтения в классике: "Гоголь, О'Генри, Зощенко, Ильф и Петров, Булгаков. А Чехов? Господи! А Достоевский?" В сегодняшнем пространстве – Ф.Искандер, Т.Толстая, Е.Шестаков, А.Трушкин.

Совмещение, казалось, несоединимых дарований всегда останавливает. Булат Окуджава: больше всего – поэт (прозаик?), в меньшей степени композитор и уж точно не бельканто. Просто – **Окуджава**. Сегодня (в иных измерениях) Гришковец – не до конца писатель, не совсем актер, больше всего – исполнитель сочиненных историй. Так и Жванецкий.

Спрашиваю: "От чего отлавливаете наибольший кайф? Когда нашелся сюжет? Или уже на публике звучащий текст? Или похвалы критиков на другой день после выступления? Либо просто – аплодисменты… аплодисменты?"

– В разное время по-разному. На концерте – длительные аплодисменты. Утром – высокая оценка критики. Они редко совпадают. Сейчас критики, кажется, нет. Есть журналисты, пересказывающие текст твоего концерта. Значит, остались длительные аплодисменты. Бывает, когда зал встает. Это счастье.

– Легко ли обижаетесь? – интересуюсь. – Что задевает больше всего?

– К сожалению, легко. На обидах написано почти все. Больше всего травмирует ложь: во времена Советской власти – от государства, в наши времена – бизнесовой морали.

– Деньги приходилось занимать?

– Ни у кого не одалживал уже лет примерно тридцать. Сам ссужал. Иногда не отдавали. Честно говоря, даже не напоминал. Просто стыдно было ему смотреть в глаза. Переставал общаться.

– Будут ли изучать нравы современного общества "по Жванецкому"?

– Вы знаете, я бы обратил внимание на **построение фразы**.

– А довелось бы побывать неделю президентом или Богом – какое желание первое?

– Отмечать и выделять порядочность, то есть честность, сдержанность, вежливость и тишину. Люди уезжают из России от хамства. Запретить и наказывать! И это было бы моим желанием – не слышать мата, ругани, беспричинной повседневной ненависти.

– И все же – о женщинах. У вас о них столько ласкательного. Что они в вашей жизни?

– Без их голосов, аромата, слов, мыслей и подтекстовок не представляю. Волнует обтянутость даже в больнице. А что они значат? А что значит воздух? Еда? Весна? **Все**! Очевидно!